

Евгений Шмбаев
Не мой тип

Евгений Шибает

Не мой тип

«Издательские решения»

Шибает Е.

Не мой тип / Е. Шибает — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901901-1

Автор даёт возможность читателям увидеть неповторимое в обыденной жизни, будь то забавная непосредственность детей, вызывающая улыбку, или любовь, как лучик света, пусть недолгая, но единственная, ради которой стоит жизнь. Все рассказы проникнуты изрядной долей иронии, юмора и магией любви.

ISBN 978-5-44-901901-1

© Шибает Е.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Не мой тип	6
Собачья свадьба	9
Незнакомка	10
Два сына и красавица-дочка	12
Николай и Василиса	15
В деревне	18
Дорожное приключение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Не мой тип

Евгений Шibaев

Корректор Оксана Сизова

© Евгений Шibaев, 2018

ISBN 978-5-4490-1901-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Не мой тип

Саша работала менеджером по ремонту цифровой техники и одновременно заменяла заболевшую приёмщицу. Заканчивался рабочий день, людей не было. На стойке одиноко лежал бейдж с её именем.

Вадим принес покаянный и до полусмерти замученный детьми свой ноутбук, который они нашли, пока он был в командировке. Никакие программы в нём не работали, и вообще создавалось впечатление, что им гвозди заколачивали.

Сразу обратил внимание на её руки – тонкие, на одной из них тату в виде веточки с зелёными листочками. Когда опустил глаза, то увидел такой же рисунок на лодыжке ноги, который обрывал подол платья.

Маленькая и худенькая, с мягким взглядом умных глаз. Косметика такова, что создавалось впечатление полного её отсутствия. Белое и лёгкое, словно облако, красиво облегающее длинное платье с боковым разрезом.

«Сейчас Саша заполнит квитанцию, и я уйду». Уходить не хотелось. Стал расспрашивать про программы, начал тупить и после непродолжительной паузы спросил:

– Не больно было делать наколки?

– Первый раз было очень больно, а потом нет.

Сколько же их у неё? Меня разобрало любопытство, хотелось бы увидеть, куда приведут эти листики.

Саша улыбнулась, будто прочитала мои мысли.

– Я хочу вас похитить.

– Зачем?

– Чтобы всегда была рядом. Ты будешь мне рассказывать про программы, а я буду тебя любить, – незаметно перейдя на ты, уверенным тоном произнёс Вадим.

Неожиданно зазвонил телефон. Это была жена: «Сегодня у детей не будет последних уроков, надо их забрать пораньше».

Детей двое. Погодки Олег и Яна. Оба учатся в начальных классах, а так как школа далеко от дома, приходилось их отвозить и привозить. Его любовь с женой износилась до дыр, и давно нужно было её выбросить, но растащить её с детьми было невозможно. Смыслом жизни стали корм, добыча и забота о потомстве. Они почти не разговаривают, а если говорят, то не слышат друг друга. Вспомнился забавный случай. Пришла жена домой, а через час пришёл Вадим. Входная дверь в квартиру оказалась открытой. Где-то из глубины квартиры раздался вопрос жены:

– Почему в ванной вода?

Вадим, пропустив её вопрос:

– Ты дверь забыла закрыть.

В ответ:

– Ты что хочешь сказать, что кто-то пришёл, помылся и ушёл?

Похищение откладывалось. Сев в машину и направившись за детьми, Вадим мыслями вернулся к жене. Недавно летели вместе в самолёте, возвращались с отдыха у моря, и Вадим решил передать монетки евро, завалившиеся по всем карманам, жене. Места были через проход, и он несколько раз протягивал ей руку, а когда монетки кончились, то всё равно протянул руку, чтобы встретить её пальцы и пожать. Такая, как ему казалось, приятная милая неожиданность, порыв нежности. Но наткнулся на холодный недоумённо-уничжительный взгляд. Что

это? Душевная гиподинамия? Эмоциональная импотенция? Когда-то они любили друг друга до судорог. Между её ног прятался такой треугольник, наподобие Бермудского, куда он проваливался и исчезал без следа. Обидно. Жизнь придумана не нами, и придумана здорово. И тот, кто её придумал, обязательно накажет, ведь он женщину создал для страсти, любви, вибраций. Без них она чахнет, кожа блекнет, глаза тускнеют. Самый лучший косметолог не поможет так, как бурный роман... взбодрить уснувшие гормоны, поднять самооценку, улучшить цвет лица.

На следующий день Вадим вновь был на пороге Сашиной работы перед самым закрытием.

– Я всё ещё не отказался от мысли сшить большой карман и унести тебя с собой, – в шуточной форме вернулся он к вчерашнему разговору, – а пока я его не сшил, предлагаю подвезти тебя домой, – сказал Вадим без особой надежды, допуская мысль, что у неё может быть собственный транспорт.

– Охотно, – быстро согласилась Саша, – у меня как раз машина в ремонте.

Вадим обрадовался. Много лет без любви, в духоте и пустоте, и тут... глоток свежего воздуха.

Проезжая мимо кафе, предложил выпить по чашечке, и девушка согласилась. Беседа не клеилась, и надо бы, наверное, было заказать по бокалу вина, но постучались в его совесть нереализованные на вечер обещания детям и подвигли его нравственность взлететь до высот позднего Толстого. И Вадим заказал... еще по одной чашечке кофе. После второго кофе разговорились. Говорили обо всем, кроме одного – его семьи. Она всё понимала и чувствовала этот ни с чем не сравнимый запах запустелости, который исходил от него, как от домов, в которых долго никто не живёт. Они часто пересекались глазами и подолгу не отводили взгляды. Вадим осознал – волшебство состоялось.

Через час они подъехали к дому, где Саша жила одна на съёмной квартире. Она не рассказывала о себе, а он не спрашивал, но чувствовал, что у неё своя непростая история. Саша молча открыла дверь, и, сняв обувь, они прошли через прихожую в комнату.

– Я сейчас, – молвила Саша и вышла из комнаты. Вадим огляделся. Было заметно, что Саша пыталась сделать своё жильё уютным, и это ей удалось. Стены украшали со вкусом подобранные небольшие картины, на окнах весёлые занавески, а стоящая у стенки кушетка была покрыта мягким приятным белым мехом. Вадим присел на край кушетки и увидел... Из проёма двери на него смотрела без одежды девушка-подросток. Едва заметные бугорки-груды, худенькое тельце, распущенные чёрные смоляные волосы едва касались плеч, на теле искусно наложенная татуировка: красивый узор на руках, около пупка, а когда она, развернувшись, направилась подёрнуть занавески, то на спине заиграли красивые кружева узорчатых линий, которые спускались от шеи вниз и продолжали спускаться даже тогда, когда спина кончилась. Вадим оцепенел. Зрелище было завораживающее, но всё равно это был не его тип. Вадима всегда волновали девушки в теле. Но не толстые. В меру. Давно известно, что чем ниже культура, тем шире попа. Его культура где-то посередине. Но тут Саша подходит ближе, и он чувствует, как земля у него начинает плыть под ногами, и вокруг пространство с невероятной скоростью наполняется волшебным током. Его представления о красоте поменялись одновременно. Какой же чудесный этот не мой тип, и какой шедевр создал Господь!

Тельце доверчиво прижалось к нему, и Вадим почувствовал густое и упругое счастье. Наверное, таким бывает рай. Лицо, фигура – всё кричало «люби меня». И он любил. Жадно, словно путник после долгого перехода без воды под палящим солнцем, добравшись до колодца.

Утром Вадим проснулся и с удовольствием обнаружил головку Саши на своём плече. Было необыкновенно приятно. Ему всегда казалось, что лежать одному – это для могилы, а при жизни надо лежать вдвоём, изнывая от нежности и на горячем мужском плече.

Саша проснулась, повернулась на спину и, подложив руки под голову, туманно улыбалась. Сегодня не нужно идти на работу, был выходной день.

– Что будешь делать? – спросил Вадим.

– Любить!

– Я про дела.

– А это и есть самое главное дело.

Наверное, она права. Что может быть важнее? Без любви человек мёрзнет, коченеет. Кровь останавливается без любви.

Саша оплела его руками и смотрела просветлённым взглядом. Она понимала, что он несвободен. Что он на длинном поводке, колышек вбит глубоко, а поводок прочен, и что он никогда не сможет от него освободиться. Но сегодня она думать об этом не будет. Её сердце сделало выбор, и она будет следовать велению своего сердца.

– Спасибо, – прошептали её губы.

– За что?

– Ты наполнил ветром мои паруса.

Собачья свадьба

Креативность и впечатлительность моих детей однажды привела к очень небезобидным поступкам и принесла большие неприятности своему детскому саду в виде существенных моральных и материальных потерь.

Так, когда детям было по четыре года, решили мы с женой устроить детей в очень продвинутый платный детский сад с логопедом, хореографом, английским языком и ещё многим, чего не было в обычном детском саду.

В первый день идём с детьми в детский сад, видим на дороге штук двадцать собак, которые, не стесняясь, любили друг друга прямо посередине проезжей части.

Глеб:

– Папа, а что собачки так странно себя ведут?

– А это у них игра такая, собачья свадьба называется.

В этот же день воспитательница вывела после ужина детей на прогулку и говорит молодой нянечке, которая уткнулась в телефон: «Схожу за мячиком, а вы, дети, поиграйте пока без меня». Ну, наш Глеб и предложил поиграть в собачью свадьбу. Воспитательница где-то замешкалась, и когда свадьба была в самом разгаре, стали подъезжать родители за своими детьми.

Увидев, что их чадо принимает участие в занятии, которое никак в их представлении к разряду детских отнести нельзя, они после недолгого пребывания в ступоре бросались в гущу свадьбы, выдёргивали свое дитя и в ужасе без оглядки утаскивали его в машину, чтобы уехать и больше никогда не возвращаться в этот «Содом и Гоморру».

На следующий день элитный детский сад опустел наполовину и потом ещё месяц занимался набором новых детей. А еще через месяц по жалобе одного из родителей приехала комиссия из ГОРОНО с проверкой. Нянечку с телефоном уволили, воспитателю объявили выговор, а меня пригласила на беседу инспектор. Она была в строгом чёрном костюме и в очках с толстыми стёклами, за которыми на меня смотрел её пронизывающий взгляд.

– Откуда ваши дети этому научились и где они это видели? – голосом опытного следователя спросила она и подозрительно посмотрела из-под очков на меня.

Я от неожиданности аж покраснел, чего со мной не случалось со школьных лет.

– В природе, – молвил я тихим голосом.

– В какой ещё природе? – продолжала допытываться инспекторша.

– В живой, – констатировал я.

Мой ответ натолкнулся на её удивленно-вопросающее выражение лица.

– Могу показать, – продолжил я.

– Нет, нет, нет! – с ужасом запротестовала и замахала руками инспектор ГОРОНО. – Избавьте меня от этого.

Не знаю, о чём она подумала, но больше меня никуда не вызывали.

Незнакомка

Олег шёл по вечерней безлюдной недавно украшенной цветочными клумбами, скульптурными композициями и новенькой брусчаткой улице.

Была поздняя осень, сумрачно, стилизованные под старину фонари почему-то не горели.

Вдалеке показался знакомый силуэт: красивый разворот плеч, облегающее стройнящее чёрное пальто.

«Дашка», – мелькнуло у Олега, и он загодя картинно раскинул руки, чтобы обнять свою обретенную год назад любовь. Хотя любовь – громко сказано. Страсть!

Олег был сексуальным, похотливым, никогда не ассоциировал секс непременно с Великой Любовью На Всю Жизнь и считал, что лучше его нет состояния – это рай на Земле.

Жене он изменял всю жизнь. Если спросить у мужчин, что вас привлекает в женщине, то большинство ответят – «душа» и... посмотрят на её ноги. Ноги у жены были красивые. Видимо, когда бог раздавал секс, ей достались только ноги. У неё на подсознании было записано: ни в коем случае не занимайся сексом. Это смертельно опасно. Странно, что у неё вообще ноги раздвигаются. Как его угораздило жениться на ней, прожить чёртову кучу лет и не разбежаться, он сам не мог себе объяснить. Оставим эту загадку для антропологов: оправдано ли такое поведение с точки зрения сохранения вида?

Олег любил любить. Увидеть красоту, восхититься, передать словами, разрушить броню, пробиться к сердцу и дальше... Неудивительно, что сходил он быстро.

Силуэт приблизился, и Олег понял, что ошибся. Это была не Дашка. Длинные светлые волосы, фигура, походка, одежда – всё как у неё. Но это была не она. Он обознался.

Девушка, не останавливаясь, шла прямо в его распахнутые для объятия руки и через секунду... прижалась к нему.

Олег растерялся, ему было крайне неловко от своей ошибки и он произнёс извинительным тоном:

– Простите, я обознался.

– Я знаю.

Олегу стало ещё более неудобно от двусмысленности своего положения.

Он заглянул в лицо девушки и увидел дымчато-серые глаза, наполненные трагизмом и слезами.

– У вас какое-то горе?

– Меня муж бросил.

Олег неуверенно сомкнул объятия. Так они, обнявшись, впервые увидевшие друг друга, продолжали стоять на безлюдной улице. Олег чувствовал её волосы на щеке и их приятный запах. Неожиданно незнакомка рассмеялась.

– Что такое?

– Я вижу мужа. Он идёт в нашу сторону... Он меня бросил всего час назад.

«Ситуация начинала принимать трагикомический характер, – подумал Олег, – если он бросил её всего на час и не потеряет челюсть в первые минуты от увиденного, то удовлетворить его любопытство будет крайне затруднительно. Моё объяснение, что я, как болван, стоял посреди улицы с распростёртыми руками и словил его жену, как неводом старик золотую рыбку, вряд ли ему покажется убедительным».

Но ситуация как-то сама собой благополучно разрешилась для всех сторон.

– Он вас видит? – спросил Олег.

– Нет. Слишком занят собакой. Выгуливает перед сном. Ладно. Я пойду. Простите меня, – произнесла усталым голосом девушка и перешла на другую сторону улицы, чтобы не встречаться с уже бывшим мужем.

В следующий и последующие дни Олега не оставляла мысль увидеть незнакомку вновь. Он часто прогуливался по этой улице, но тщетно. Встретил он её спустя месяц. Причем точно на том же месте. Увидев её, Олег снова, так же, как и в первый раз, заранее раскинул в стороны руки ей навстречу. Она узнала его, улыбнулась.

– Вы кажется вошли во вкус! А может, у вас это такое хобби?

– Да, но больше со мной почему-то никто не хочет обниматься, – расхохотался Олег.

– Вы знаете, со мной тоже, – весело рассмеялась незнакомка и с игривой улыбкой на лице юркнула в распахнутые руки Олега. Он почувствовал узнаваемый запах, те же приятные щеко-чущие касания волос. Её мягкий тихий голос нравился Олегу, волновал, вызывал желание слышать его, и он стал расспрашивать девушку.

Оказалось, она живет сейчас одна. Работает в театре режиссером, ставит спектакль по пьесе Гладкова и направляется на репетицию.

Олег проводил её до театра. Шли не спеша, разговаривали, все чаще поглядывая друг на друга, а когда они переходили какую-то лужу, Олег протянул ей руку и больше не отпустил. Незаметно подкралась химия любви и уверенно сделала своё дело: на прощание девушка прислонилась к нему, пристально посмотрела в глаза и чувственно поцеловала в губы. «Позвони», – протянула ему визитку. Из неё Олег узнал номер телефона и то, что незнакомку звали Нина.

Олег целый день ходил в приподнятом настроении, беспричинно улыбался всем подряд, вызывая недоумённые взгляды у окружающих. Вечером решил позвонить.

– Мадам, я не имею чести быть вам представленным, однако осмелюсь обеспокоить вас вопросом: отдаться не интересуетесь? – продекламировал поручика Ржевского из пьесы Гладкого Олег.

– Вообще-то поручик Ржевский уже на первой встрече задал такой вопрос, – игриво парировала Нина.

– Ну, если бы поручик на первой встрече стоял один на безлюдной улице и на него накинулась женщина со вполне очевидными намерениями, то сомневаюсь, что он бы стал интересоваться её побудительными мотивами, – в таком же тоне решил подыграть Олег.

– Но в отличие от вас Ржевский бы не упустил момент!

– Я думаю, немецкая овчарка вашего мужа тоже не упустила бы момент поужинать моими деликатесами.

Нина прыснула смехом и предложила встретиться в безопасном для его здоровья месте.

Свидания с Ниной были упоительными, и всё свободное время они проводили вместе. Её интерес к сексу превзошёл самые смелые ожидания Олега. Нина говорила, что с мужем она такой не была, да ей и не хотелось, а с ним у неё хоть трусы выжимай. Нина была девушка начитанная и любила поговорить. Поговорить обо всем – книгах, музыке, политике, поэзии. Поэтому они хоть и вели себя как кролики после долгой зимы, но кролики образованные, и в перерывах у них происходили интеллектуальные дуэли.

В природе всё хорошо продумано, кроме одного. Люди не всегда находят свои половинки. Подолгу живут как бы выключенными из розетки: ни тепла, ни света. Они идут, спотыкаются, попадают в болото и вдруг – кристалл! Их охватывает огромное, бьющее через край желание любить. И эту страсть они реализуют единственно возможным для них способом.

Два сына и красавица-дочка

В сентябре мои повзрослевшие до семи лет дети пошли в школу. С учительницей им повезло. Детей она любила, разговаривала с добротой в голосе и смотрела мягким, теплым взглядом.

Ниже среднего роста, в одежде подчёркнуто строгой: чёрная юбка, чёрные туфли, белая кофта. Прямоугольная чёрная оправа на округлом милом лице с ниспадающей на лоб чёрной чёлкой. В своё время этот образ в волю поэксплуатировала Лена Темникова – солистка поп-группы SEREBRO, найдя его сексуальным.

Моих Глеба и Трофима Мария Александровна рассадила по разным партам и началась рутинная учёба, изредка прерываемая походами на экскурсии в музеи и на природу, организованные креативной учительницей, а общение с большим количеством ребят в школе резко подняло их уровень развития.

– Папа! Кто такой членосос? – ошарашил меня вопросом Трофим, вернувшись из школы.

– Сынок, я занят, пойдёшь спроси у мамы, – ответил я, пытаясь поменять перегоревшую лампочку в люстре.

Сын вернулся через минуту.

– Мама не знает, как сказать.

– Ну... пусть нарисует, – нашёлся я и быстренько ретировался в магазин за молоком.

На следующий день Трофим радостный пришёл из школы.

– Пап! Я узнал, кто такой членосос! Пойду маме расскажу.

– Нет, нет. Не надо. Мама уже в интернете посмотрела, – торопливо останавливаю я сына, помня вчерашний скандал с женой по поводу «пусть нарисует».

Пацаны в школе учились хорошо, были дисциплинированными, и Мария Александровна не раз высказывала нам с женой симпатии по поводу ребят.

Чего не скажешь об их сестре – пятикласснице Милане. Красивая и яркая, она могла бы стать фотомodelью для детских журналов. Жаль, что за красоту в школе оценок не ставят. В первой половине дня она ходит в школу, во второй занимается вокалом. Песни петь у неё получается лучше. Количество нареканий от педагогов зашкаливало все мыслимые нормы, начиная от дисциплины (сняла на телефон в раздевалке голых одноклассниц и отправила в интернет, ко всеобщей радости тех, кто не попал в кадр) и кончая неуспеваемостью по физкультуре. С женой у нас на её воспитание разные взгляды, и поскольку она видит в ней много скрытых талантов, а я таким даром не обладаю, то инициативу в её становлении передал ей. Показателен был последний случай вмешательства в образовательный процесс дочери.

– Ваша Милана не знает таблицу умножения, – объявила мне завуч школы.

Придя домой, говорю дочери:

– Надо находить время для таблицы умножения.

– Нет-нет, – говорит Юное Дарование, – меня мама на лепку записала.

– Лепка важнее? В школе лепку будут спрашивать? – недоумеваю я. Спрашиваю у мамы: – Зачем? Никуда ведь не успевает!

– Уже записала. Это тоже развивает.

– Милая! Весь окружающий мир развивает. Но, к сожалению, педагогов интересует конкретный кусочек этого мира, – как-то совсем невесело констатирую я.

Девочка же в основном старается мир познавать через телефон, с которым она так подружилась, что даже в душе не расстаётся. Предыдущая версия технического прогресса не перенесла такого купания.

Мне нравится у жены спокойный, немного отстранённый и уверенный вид, как у врача-психиатра, и это магическим образом успокаивает. Но когда я вижу, в какой фрустрации нахо-

дится ребёнок и ни хрена не знает по учёбе, и в какой бы момент ни заглянул к ней в комнату, всегда вижу одну и ту же картину – дочь вожделенно смотрит в мобильник, – то я завидую её оптимизму.

Другая статья расходов моей нервной системы – немыслимый бардак в её комнате. Вещи в ней валяются так, словно у неё только что был проведён обыск по поиску мелко расфасованных наркотиков. Найти их было трудно, приходилось заглядывать в каждую щель, и чтобы дважды не искать в одном и том же месте, всё выкидывалось на пол. Когда я возмущаюсь, то слышу от жены:

– Это творческий беспорядок, так она занимается, ей так удобно.

Мой вопрос:

– А какое отношение к учёбе имеют её трусы на полу и носки на столе? – повисает в воздухе.

В общем, дочь меня постоянно бодрит. Иногда мне кажется, что если она ещё и жива до сих пор, то только потому, что я ею не занимаюсь.

Жена пытается на неё смотреть как на произведение Сальвадора Дали. Типа глубину замысла гения не сразу поймёшь. Я тоже как бы с разных ракурсов стараюсь это делать и усердно разбудить в себе горделивые нотки. Ведь это и мой шедевр тоже, участия в создании которого никто не отменял. Спустя несколько месяцев Глеб стал жаловаться на соседа по парте. Мешает, берёт его вещи. Просит, чтобы я поговорил с учительницей и к нему посадили девочку.

– А ты сам не можешь соседа урезонить (для меня это было удивительно, он неоднократный призёр соревнований по КУДО (вид рукопашного боя))?

– Да я и так ему говорил, что глаз на жопу натяну, но он такой дурак, в общем, бесполезно.

Надев на лицо свою самую неотразимую улыбку, подхожу к Марии Александровне и ласковым тоном прошу за сына:

– Глеб очень любит девочек и хочет сидеть с девочкой.

Учительница оживлённо:

– Правда? То-то он недавно подходит ко мне и спрашивает: «Можно вас за руку подержать?».

Я про себя подумал: «Значит, не только девочек».

В общем, Мария Александровна охотно согласилась посадить Глеба с девочкой.

Вечером по этому животрепещущему вопросу состоялся увлекательный диалог у братьев.

– А какую ты девочку хочешь? – поинтересовался Трофим.

– Да любую.

– Дадут тебе какую-нибудь с глистами.

– Да где их без глистов-то взять. Они все ручки грызут.

– Скажи, чтобы анализы сдали, – молвил мудрый Трофим.

Глеб:

– Ты что, идиот? У нас учительница сама ручку сосёт, может, ей скажешь?

Утром Глеб встал пораньше, взял два шоколадных батончика, пояснив – «вдруг голодная придёт», и отправился в школу в предвкушении встречи с новой соседкой.

Вечером интересуюсь:

– Как девочка?

– Супер, – отвечает довольный сын, – всё своё, ничего не берёт и даже ручку не грызёт.

Закончился учебный год, дети и родители тепло прощаются с учительницей.

Последним подхожу я. С нарочитой скромностью, потупив глаза, с деланной дрожью в голосе тихо произношу:

– Мария Александровна! Я вас три месяца не увижу. Можно вас за руку подержать?

В ответ учительница заинтересованно взглянула на меня, в глазах загорелись весёлые огоньки, и наконец, не выдержав, она прыснула смехом.

Вечером этого же дня Мария Александровна собрала родителей на последнее собрание, чтобы подвести итоги года. Все её внимательно слушали, а я сидел и любовался молодой учительницей, принарядившейся, с красиво уложенными волосами, с лёгким макияжем на лице, которая проводила свой последний в этом году родительский урок.

В конце собрания она объявила, что хочет, чтобы родители написали свои замечания и предложения, после чего положила на каждый стол лист бумаги.

У меня не было ни замечаний, ни предложений, да я бы и так сказал, если бы были.

Я написал: «Вам очень идёт белая кофточка, и выглядите вы восхитительно!»

Николай и Василиса

Николай вышел из мебельного магазина с купленным для работы креслом в руках и увидел ЕЁ. Она вышла из «Мини Купер» ему навстречу и была невероятно красивая. Таких теперь не делают. Николай подумал, что сам Господь скроил её по своим особенным неземным меркам. Рассказать о её красоте невозможно. Как можно рассказать музыку? Аквамарин её глаз затягивал, как водоворот, и Николай вместе с креслом оказался сразу там. Это было одно мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы его лицо растянулось в улыбке и он до вечера не мог его собрать.

Наутро Николай проснулся с твёрдым желанием найти ЕЁ. Завтракал он в многолюдной кофейне, где в часы пик свободный столик найти трудно, но сегодня повезло, и он сидел один, смотрел через окно на дорогу, на другой стороне которой находилась его собственная фирма, где он занимался розыском пропавших людей. Двадцать лет посвятил этому делу в милиции, а совсем недавно, уволившись по выслуге лет, этим продолжил заниматься на гражданке. Его мысли крутились вокруг магазина, мимо которого вчера проходила прекрасная незнакомка. Там висят камеры наблюдения, по которым можно отследить её машину и пробить по базе данных ГИБДД.

– У вас свободно? – слышит обращённые в свою сторону слова Николай. Поднимает глаза и видит... Неземная Красота сама пришла к нему и в упор расстреливает аквамариновыми глазами.

– Здравствуйте, а я к вам собрался! Вы с какой планеты и по каким земным делам к нам?

Его словоохотливость почему-то не нашла понимания, и Красота направилась к соседнему столику, где пила кофе одинокая девушка. При этом она успела склониться к нему и как-то совсем по земному сообщить известный всему роду человеческому адрес и направление, куда ему следует идти.

В его планы это не входило, и Николай пошёл на работу.

Он сидел в своём новом кресле в кабинете, просматривал документы, и вдруг открывается дверь, а на пороге стоит Она с изумлением на лице:

– Вы? Здесь?

– Ой, простите, я ещё не дошел туда, куда вы меня послали.

– Извините, ради бога. Я думала, вы ко мне пристаёте.

– Ничего... Что вас привело?

– У меня муж пропал.

– Кто он?

– Бандит.

«Нормально», – подумал Николай. У такой красоты муж мог быть только бандитом или олигархом. У бандитов век короткий, и надо успеть взять от жизни всё по максимуму: денег, богатства, красоты. У олигархов же век хоть и длинный, но потребности те же. Через два дня он установит, что у бандита век закончился месяц назад, но это будет потом, а сегодня Василиса, так звали его очаровательную клиентку, сидела перед ним и думала, пока он заполнял бумаги, как ей загладить свою вину перед ним. Он сам пришёл ей на выручку.

– Кофе хотите?

– Да. Но не здесь и я угощаю.

В уютном ресторанчике при гостинице тихо играла живая музыка. Музыканты творили волшебство, самозабвенно извлекая из своих струн и клавиш истории любви. В центре зала несколько пар топтались в медленном ритме танца. Незаметно подошла приветливая официантка и, мило улыбаясь, приняла заказ. Через пять минут на их столе стояли бокалы с красным

вином и лёгкая закуска. Николай сидел напротив Василисы и молчал, забыв глаза на её лице. Василиса туманно улыбалась и тоже молчала.

– Потанцуем? – предложила его спутница.

Они направились в середину зала.

На Василисе было чёрное платье с небольшим вырезом на груди, которое красиво облегло её рюмочную талию. Василиса вложила свою ладонь в его, а другая рука Николая лежала у неё на спине в том месте, где под платьем должны были быть бретельки. Их отсутствие, волнительное тепло её пальцев у него в ладони и густой запах секса, исходящий от неё, будоражили его кровь в самых неожиданных местах. Кажется, Василиса поняла его состояние и предложила подняться к себе в номер.

Бандит у Василисы был неважным любовником и любил бездарно. Николай же занимался любовью вдохновенно и с наслаждением. Он, как талантливый художник, неспешно, распылял поцелуями лицо и шею Василисы. Осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, чтобы не испортить эту сказочную симфонию любви, он по сантиметру обласкивал спину, грудь, ноги, волосы.

У Василисы потекли слёзы. Она потекла, словно ледышка, на которую подышали и отогрели. Пять лет назад её выбрали королевой красоты, а потом её выбрал в жёны глава преступной группировки по кличке Дар (производное от фамилии Даркин). Может быть, её выбрал бы и олигарх, но конкурировать с бандитом себе дороже. Это всё равно что конкурировать со смертью.

Василиса получила роскошь и одиночество. Наверное, Дар любил её по-своему и хотел бы сделать её счастливой, но браки, совершённые не на небесах, обречены на несчастье. И детей у неё не было тоже, наверное, поэтому. Знакомые и друзья, по понятным причинам, сторонились Василису, и она всё больше времени проводила одна в роскошном доме. Дар купил ей собаку – палевого немецкого дога. Его хозяева навсегда уезжали за границу и не захотели его брать с собой. Это была почти маленькая лошадка со скульптурно красивым сложением и умными грустными глазами. Когда-то его предки дрались с врагами, охотились на волков, защищали в боях территорию и умирали от ран. Но никогда от одиночества. Но два одиночества вместе не так уж плохо, это уже общение. И когда Василису замучивала тоска, она обнимала высокую шею своего дога, он участливо смотрел на неё своими умными глянцевыми глазами и проводил горячим языком по её рукам.

Так она и жила в обнимку с собакой и одиночеством. Бандит дома бывал редко, а потом и совсем пропал. Приезжали питерские бандиты и постреляли дружков её мужа. Проглотить такой беспредел муж не мог, это было не по их бандитским понятиям. Он собрал своих поделников и поехал в Питер. Больше она его не видела. Но в её жизни ничего не изменилось.

Люди по-прежнему обходили её стороной, снова выйти она замуж не могла, даже просто с кем-то познакомиться, позволить себе невинный флирт, так как неизвестно, вернётся её муж или нет. А пока такой ясности не было, рисковать никто не станет.

И вот Василиса, попросив родителей присмотреть за собакой, поехала в Санкт-Петербург за ответами. Ответы она сегодня не получила, но зато получила большую любовь. У любви были синие глаза, сильные нежные руки и большое горячее сердце.

Николай провёл рукой по заплаканному лицу и, словно сдвинув её красоту в сторону, увидел за ней маленького страдающего подранка (раненого зверька).

– Болит?

– Очень.

– Хочешь, помогу тебе?

– Как?

– Я дам тебе своё дыхание, сердце и фамилию.

Через два дня Василиса получила от Николая ответы, села в свой «мини» и поехала за собакой. Собака встретила Василису у двери. Она услышала шаги и, когда Василиса открыла дверь, упёрлась лбом в её живот.

– Я думал, что ты меня бросила и больше никогда не вернёшься. Мне было плохо без тебя, я скучал, не ел и всё время слушал звуки, – пожаловалась лошадка-дог.

– Больше я тебя не оставлю. Собирайся, поедem со мной в другой город. Я встретила там хорошего человека.

– Он тебя любит?

– Очень.

– А меня он любить будет? Он меня не продаст?

– Конечно, будет любить. Он же меня любит, а значит, будет любить и моих друзей. Мы будем жить вместе, а по выходным гулять в лесу. Ты там встретишь волка и победишь его.

Сборы были недолгими, но неожиданно возникла проблема. «Мини Купер» не подходил для перевозки собачьего великана, и Василиса решила взять просторный БМВ мужа, который в последний момент решил лететь на самолёте, а до аэропорта уехал на такси.

Через минуту взрыв большой силы сотряс воздух. Почувствовать они ничего не успели.

В деревне

Смерть Василисы для Николая была тяжёлым ударом: по утрате любимой, по его планам наконец-то завести семью. Николай влюбился первый раз, да ещё как! До зубного скрежета, до судорог! К своим сорока двум он был женат один раз, но, прожив вместе пять лет, расстались. По правде говоря, от счастья их не распирало никогда. Просто шли в одну сторону. Им было по пути, и они решили идти вместе. Пока не устали. Скучная и однообразная ежедневная картинка первой достала жену, и она ушла от него. Больше Николай не женился. Отношения были, иногда длительные, иногда не очень. Но чтобы жениться... Николай понял, что брак – это три составляющие: голова, сердце и секс. В его случае работала только последняя. Важная! Но для брака недостаточная. И через какое-то время они благополучно расставались. Без сердца изнашивается всё быстро, даже объятия.

Николай решил дать себе отпуск и поехать в деревню, вдохнуть её воздуха, залечить раны. Несколько лет назад в возрасте девяносто семи лет умер его дед, оставил близким дом, который родственники летом использовали как дачу, а поскольку сейчас октябрь, в доме никто не жил.

Это было единственное место на земле, где Николай мог отойти, набраться сил, чтобы жить дальше. Здесь жил его любимый дед, человек удивительной судьбы, и об этом надо рассказать подробнее.

В детстве он вместе с родителями каждое лето ездил в деревню к бабушке Фёдору и бабушке Лизе, и часто родители по окончании своего отпуска оставляли его там с тётёй Валею до осени, которая привозила его обратно.

Тётя Валя жила в одном городе с его родителями, но на окраине, приходилась младшей сестрой его отцу и тоже летом приезжала к своим пожилым родителям.

Детей у стариков было много, но только один из них, Вадим, жил рядом, по соседству; остальных судьба раскидала далеко от родного дома, поэтому мы, жившие всего в пятистах километрах от деревни, были самыми частыми гостями.

Николай очень любил деревню. Ему нравилось там всё: запах сена, животных, свежескошенной травы, трескотня насекомых, петухи, наперебой с соседними разрывающие заутреннюю тишину своими голосами. Он обожал по утрам пить парное молоко, есть сыр и творог, приготовленные любящими руками рано вставшей бабушки.

Вообще, деревня просыпается рано. В пять утра деревенские жители уже успевали подоить коров и выгнать их из дома, где их принимал пастух и, собрав всех в стадо, гнал для выпаса на не занятые полями луга.

Набор животных был почти одинаковым в каждом сельском дворе, и семья моих бабушки и бабушки не была исключением: корова, овцы, куры. Огород был нехитрым: картошка, морковь, свекла, лук. Всё это помогало деревенским жителям выживать при тех скудных колхозных зарплатах и пенсиях, которые платило им государство.

Жизнь Николая в деревне была наполнена тем, что он бегал с мальчишками по полям, обедал вместе с ними колхозный горох, ловил в речке раков, собирал малину в соседнем лесочке и купался в пруду.

Но больше всего он любил бывать в кузнице своего деда. Дед был потомственным кузнецом. Это был крепкий жилистый старик с сильными мускулистыми руками, которыми он мог гнуть подковы, а пальцами загибать монеты.

У деда было благородное русское лицо с редкими глубокими морщинами, грубо очерченные прямой нос и волевой рот с плотно сжатыми губами, короткая тёмная с проседью окладистая борода и такого же цвета усы. Но самое поразительное в его лице – это зубы: ослепительно белые, без единой потери, на зависть всем молодым. Это было настоящее чудо природы!

Когда он работал, это было завораживающее зрелище: он бил молотком по раскалённой докрасна железяке, и на глазах она превращалась в какой-то пригодный для хозяйства инструмент или предмет кухонной утвари.

Николая дед тоже привлекал к процессу кузнечного дела. Он раздувал меха, а поступающий воздух поднимал температуру в печи, которая в свою очередь оказывала воздействие на податливость металла обработке.

Дедушка Фёдор был очень красив, когда работал. Он легко взмахивал одной рукой с тяжёлой кувалдой и ловко опускал её туда, куда нужно. На загорелых покрытых копотью руках у него играли мышцы, кровью наливались вены, а когда он при этом разговаривал и весело смеялся над моими неловкими попытками подражать ему, его лицо озарялось бело-зубой улыбкой, и полутёмное, задымлённое помещение казалось светлее. Он в такие минуты Николаю напоминал сказочного былинного богатыря Добрыню.

По характеру он был добр, справедлив, прямодушен, неспособен на хитрости и уловки.

К нему обращалась с заказами вся деревня, и он никому не отказывал. Часто работал в долг, и когда ему не возвращали долги, прощал и никогда не злобствовал по этому поводу.

С бабушкой он разговаривал мало; как люди, давно живущие вместе, они понимали друг друга с полуслова, и Николай никогда не слышал, чтобы он повышал голос или ругался. Про таких говорят – живут душа в душу.

Но в гневе он был страшен. И однажды мне довелось в этом убедиться.

Как-то позвали Николая деревенские ребята залезть в яблоневый сад соседа за яблоками. Он пошёл с ними, до сада дошёл, но в сад не полез, а встал около забора.

В это время проходила мимо соседка, всегда вечно всем недовольная, увидела ползающих по садовым деревьям ребят и радостно сообщила соседу о непрошенных гостях у него в саду.

Соседа в деревне не любили, он был нелюдимый и недобрый. Его жена и дети редко выходили из дома, а если и выходили, то были какими-то зажатыми, напряжёнными, испуганными.

Вышел он из дома с ружьём наперевес, в руках держал цепь, на которой захлёбывался от лая злющий пёс с пеной у рта. Ребята, заметив хозяина, кинулись врассыпную, а Николай остался стоять, не считая себя виноватым. И сосед направился в его сторону. Подойдя ближе, он хмуро посмотрел на него, а затем спустил пса, который яростно вцепился в его ногу. Пёс долго волтузил Николая по земле, а тот кричал от нестерпимой боли.

Крик услышал дед, подбежал, оторвал за задние лапы от внука пса и, со всей силы размахнув, ударил его головой об дерево, да так, что упал он уже на землю бездыханным. Затем подошёл к соседу, выхватил его ружьё и одними руками свернул ствол его пополам. Глаза у деда горели такой яростью, таким безумным огнём, что, мне казалось, при его силе он мог принести много бед обидчику. Сосед побледнел, попятился, и в этот момент подошла бабушка, схватила деда за рукав и отвела его от греха подальше. Но этих минут Николаю хватило, чтобы оценить всю силу его гнева.

Летние поездки в деревню продолжались ещё несколько лет, но неожиданно они оборвались. Умерла бабушка Николая. Это событие очень подкосило дедушку Фёдора. Он как-то сильно сдал, осунулся, похудел, у него пропал интерес к жизни, и когда его родные говорили, что так нельзя, надо взять себя в руки, он в ответ махал рукой, говорил, что уже зажился на этом свете и его теперь жена – родная земля. Дед выстругал себе гроб и надгробный крест, поставил их в сени и готовился умирать.

В таком состоянии и застала его тётя Валя, которая приехала, чтобы увезти деда к себе и ухаживать за ним до самой смерти, поскольку деду было уже восемьдесят два года, возраст при котором, она полагала, долго уже не живут.

Дед долго упирался, и неизвестно, как бы он повёл себя, но тут в дело вмешался Николай. Дед был очень привязан к внуку, любил его и с нетерпением ждал каждый раз его приездов. Николай обнял его за шею и заплакал. И тут дед сдался.

– Ладно, везите, – молвил дед, – только надо животину продать!

Скотину и кузницу продали быстро, а дом заколотили на неопределённый срок. У тётки Вали в отношении дома были свои планы (тётя решила, что раз она деда забрала к себе, то вправе распорядиться домом по своему усмотрению). Через неделю дед уже сидел за столом на кухне тётки Вали и ел пшённую кашу. Николай сидел напротив. С приездом деда он был частым гостем, благо жили они недалеко.

– Кушай, кушай, папа, поправляйся, – ласково произносила ему тётя.

Дед ей в спину ворчливо тихим голосом добавлял:

– Да на тот свет отправляйся!

Дом, в котором жила тётя Валя, находился на границе между городом и деревней, в пригороде, который больше был похож на деревню: дома деревянные, одноэтажные, с огородами, а рядом лес и речка, куда Николай с дедом частенько ходили ловить рыбу.

Спустя несколько месяцев деду пришлось остаться одному. Муж у тётки был с южных краёв, и они решили съездить на период отпуска к родне мужа, к тёплому морю. А чтобы за дедом был присмотр и уход, дочка договорилась с одной женщиной из соседней деревни.

Это была одинокая женщина лет 40—45, звали её Тамара. Замуж она сходить успела, но побывала там недолго, мужа посадили за убийство по пьяному делу, а отсидев половину, он и сам был убит сокамерниками в какой-то их разборке.

Больше она замуж не выходила, да и в деревне её больше старики да старухи жили, а те, что помоложе, в город перебрались.

Работала она в городской черте, в детском саду воспитателем. Своих детей у неё не было, и она как бы компенсировала этот недостаток вниманием к чужим детям. С удовольствием занималась с ними, любила их, и дети тоже любили её.

Это была тихая, добродушная, с мягким взглядом голубых глаз женщина. Тамару нельзя было назвать красавицей, но было что-то в ней такое, что делало её привлекательной. Доброе лицо овальной формы, полные губы, на щеках милые ямочки, когда она улыбалась, и не менее милая родинка на белой коже шеи, её русые волосы всегда были тщательно уложены на затылке в пучок. Роста она была среднего, с ладным, крепким телом.

К деду она ходила каждый вечер после работы, чтобы прибраться и приготовить ему поесть, а в выходной основательно мыла полы и стирала.

Приготовив ужин, она, по настоятельной просьбе деда, садилась с ним пить чай. Чаепитие порой затягивалось до полуночи. Дед рассказывал как он воевал в Гражданскую войну, как пережил Отечественную, про житьё-бытьё в деревне. Он оживлялся, когда рассказывал, воспоминания возвращали его в молодость, и лицо его преображалось. Полные вдохновения глаза его светились какой-то молодецкой удалью, кожа розовела, а само лицо озарялось задорной улыбкой. Он совсем был не похож на того старика, который совсем недавно собирался повторить последний путь своей жены.

Тамара с интересом слушала и наблюдала за дедом. Она видела, как он наполняется вдохновением, когда увлекается своими рассказами, как загораются его глаза, как блестят белизной его молодые зубы, когда он вспоминает что-нибудь смешное, а его руки, руки кузнеца, всю жизнь проработавшие с молотом, крепкие, покрытые крупными венами, совсем не старческие и немощные, приводили Тамару в некоторое замешательство этим своим несоответствием.

Она стала любить эти вечерние посиделки, после садика, зайдя на минуту к себе домой и переодевшись, бежала к деду, который уже поджидал Тамару и весь день проводил в ожидании встречи.

Тихо, незаметно к ним подкралась любовь. Дед нежным взглядом сопровождал каждое движение Тамары, когда та хлопотала по дому, помогал двигать тяжёлую мебель, чтобы добраться с тряпкой до труднодоступных мест, а Тамара, давно забывшая, что такое мужское плечо рядом, вспыхивала и благодарила деда за помощь.

Это странное, необычное, волнующее чувство, которое испытывал дед, волшебным образом преобразило старика. В нём словно произошёл биологический всплеск и проснулась вторая молодость, которую он ещё вчера уложил в гроб, заколотил гвоздями и похоронил; он расправил плечи и словно скинул с себя несколько десятков лет, у него появилось неистребимое желание жить, непринуждённые весёлость и шутливость, лёгкость на подъём.

Тамара, давно уже смирившаяся со своей участью вдовы и не ждавшая от судьбы никаких сюрпризов, не могла поверить этим сказочным метаморфозам, которые с ней происходили. В молодости не отлюбоившая своё, она испытывала такое огромное ощущение жизни, что оно било через край! Окружающие её люди и давно знавшие её незаметной, тихой, грустной стали обращать внимание на то, как расцвела Тамара. Им невдомёк было, что Тамара, глотнувшая крепкого любовного напитка, открыла в себе такие чакры, что мало кто мог не заметить перемены в ней. Красота зрелой женщины – это всегда особенная красота, которая распахнёт целый мир не только для неё, но и никому другому не оставит шанса остаться к ней равнодушным. Но этот праздник должен был скоро закончиться, должны были вернуться из отпуска родственники деда, дочь с мужем, и Тамара стала всё чаще впадать в уныние.

И тут неожиданно дед предложил Тамаре пожениться и поехать с ним в деревню. Дед пошёл в ЗАГС, нашёл убедительные слова, и их расписали, в виде исключения, без испытательного срока. Сначала-то никак не хотели, по инструкции только для беременных делают исключения, но дед сказал, что насчёт беременности он не знает, но то, что ввиду его больших лет он может помереть до их срока, – это факт, и тогда на их совести будет не расписанная мать-одиночка. В общем, в ЗАГСе пошутили, посмеялись над таким уникальным случаем, но искушать судьбу не стали и пошли навстречу деду в столь деликатном деле.

А дед на самом деле спешил. Он хотел уехать до приезда дочки с мужем, чтобы избавить себя от объяснений, неприятных расспросов и намёков на его преклонный возраст. Тамару долго уговаривать не пришлось, та быстро рассчиталась на работе, дом пока продавать не стала, да и времени на это дед ей не оставил, собрала вещи, села вместе с дедом на поезд и поехала устраивать свою новую жизнь.

Дед перед отъездом оставил дочери прощальное письмо, в котором написал, что встретил он подходящую женщину и удумал на ней жениться, а посему едет с молодой женой на родину в свой дом. Затем перечитал письмо и сам же рассмеялся, представив, какое лицо будет у дочери и её реакцию на письмо.

Реакция же действительно была бурной! Дочь с мужем, приехав домой и увидев записку от деда, с недоумением несколько раз перечитав её, долго стояла в ступоре, пытаясь осознать происходящее событие. У неё никак в голове не укладывалось, как может её отец, старик в возрасте восьмидесяти двух лет, ещё вчера собиравшийся умирать и присматривающий себе место на кладбище, начать строить заново жизнь, вместо того чтобы думать о вечном и предаваться воспоминаниями о прожитой жизни. Она уже свыклась с мыслью, что старый отец будет доживать у неё свой век, а когда его не станет, она поедет в деревню и продаст его дом или будет сдавать как дачу приезжающим за свежим воздухом на природе горожанам. У Валентины не было сомнений в том, что именно ей достанется участок земли и дом, поскольку она взяла на себя хлопоты по уходу за папой.

И тут вдруг все планы рушились, и вся её натура не хотела принимать эту новую реальность. Её охватило чувство обиды, словно её предал её любимый отец. Муж Валентины молчал, только горестно качал головой и сочувственно поглядывал на жену. И тогда она решила позвонить своему брату, моему отцу, но тот, оказалось, и вовсе был не в курсе. Николай, конечно,

был в курсе всех событий, но благоразумно ничего не рассказывал, нутром чуя, что это будет не к добру. Началось бурное обсуждение с родителями Николая «неблагодарного» деда, который «совсем тронулся умом» под старость лет. Эти вопли и крики продолжались так несколько дней.

А дед тем временем со своей «молодухой» обживался в деревне. Но не всё было так гладко. Подойдя по приезду к своему дому, дед увидел, что доски от дверей и окон отколочены, а из трубы валит дым.

Открыв дверь, он увидел здоровенного мужика в трениках» и майке. На плечах, руках и даже пальцах были видны зековские наколки.

Дед сразу:

– По какому праву вы тут живёте в моём доме?

– Я живу у себя дома. А вот ты откуда нарисовался, я не знаю. Иди к Вадиму разбирайся!

Вадим – старший и самый непутёвый сын, пьяница и картёжник, вечная головная боль у деда. У Вадима трое детей, жена, но хорошо они никогда не жили. Вечно в долг, порой впроголодь, и дед, когда жил в деревне, как мог помогал, а Вадима не раз учил уму-разуму и даже бил, но образумить сына так и не сумел.

Вот и на этот раз тот проигрался в чистую в карты и отдал за долги дом деда какому-то жулику, только что вышедшему из тюрьмы.

– С Вадимом мне разбираться нечего. Ты с ним разбирайся, а сейчас освободи дом.

– Слушай, дед, а не пошёл бы ты куда подальше со своей... а не то ведь я и зашибить могу ненароком, – с угрожающим тоном пошёл в наступление самозванный «хозяин».

И тут дед, услышав угрозы и оскорбления не только в свой адрес, но и в адрес любимой женщины, преобразился. Глаза его наполнились безумным огнём, он плюнул в открытую ладонь, сжал её в кулак и по-деревенски, с плеча, со всей оставшейся у него силы, которая, вопреки усилиям природы лишит её деда, не помешала размахнуться и ударить наглеца так, что он ударился о стену, обмяк и беспомощно съехал по стене на пол.

– Ну что рожу-то наморщил? Даю тебе минуту сроку, и чтобы духа твоего здесь не было... Господи, прости меня грешного, – отходчиво выдохнул дед и, взяв свои и Тамирины вещи, прошёл в дом.

У деда Фёдора и Тамары были красивые отношения. Они любили друг друга, и это было заметно. И не то чтобы они говорили друг другу какие-то особенные слова, да они и не знали таких слов, но их глаза светились и улыбались, звуки голосов были сердечны и милы друг другу, а их незамысловатые приятные и душевные слова ласкали слух. Они никогда не расставались, будь то поход в магазин или в лес на заготовку дров, на почту или на собрание в сельсовет. Они дорожили каждым днём, прожитым вместе, и берегли большое и глубокое чувство, что связало их неожиданно в столь позднем возрасте.

Ласка и нежность никогда в деревне не были в чести. Чаще можно было услышать грубость, мат, оскорбления. И деревенские бабы, обделённые мужской теплотой, тихо завидовали им, любопытствовали, искали повод зайти, посмотреть на «молодых». Мужикам тоже не давали лавры деда жить спокойно. Они глядели на ладную и цветущую Тамару, прищёлкивали языками и испытывали зависть.

Большим хозяйством новое семейство обзаводиться не стало. Дед Фёдор занялся пчеловодством, купил ульи и поставил недалеко от дома, а Тамара приобрела кур, посадила на грядках одну зелень, так как с картошкой она уже опоздала. Такая небольшая занятость позволяла им проводить больше времени вместе, и вечерами Тамара занималась вязанием, а дед что-то мастерил из железа. Скучали его руки по металлу. И постоянно при этих занятиях они о чём-то разговаривали, вспоминали истории из своей жизни, смеялись и шутили. В доме всегда было тепло и уютно.

Дети вместе с внуками снова стали на лето приезжать к дедушке Фёдору и теперь молодой бабушке Тамаре, которая оказалась необыкновенно гостеприимной и радушной хозяйкой.

Тетя Валя, несмотря на поздний возраст, родила сыночка, чему была несказанно рада, и теперь вместе с мужем и малышом не упускали ни одной возможности, чтобы навестить деда, а ещё больше Тамару, с которой они стали лучшими подругами.

Последний раз Николай был у деда, когда тому было 95. Он встретил его вместе с Тамарой на крыльце. Дед опирался на палочку. Но глаза его были молоды, а улыбка являла чудо природы – ряд белоснежных красивых зубов.

В тот день дед сказал Николаю очень важную истину: «Единственное, что имеет в жизни значение, – это любовь!»

Дорожное приключение

Через месяц Николай вернулся домой. Прошёл в ванную и увидел в зеркале небритое, запущенное лицо. Побрился, принял душ, надел свежую рубашку и направился в магазин прикупить продуктов. Ступив на зебру, при переходе улицы он успел увидеть боковым зрением трогаящуюся с места парковки в его сторону низенькую Audi и женскую в светлых кудряшках головку в ней, повернутую в сторону обгоняющих машин. «На овечку похожа», – мелькнуло у Николая. Её она не видела. На всякий случай Николай отступил на метр. Метр его не спас. В следующую секунду он мягко распластался, как препарированная лягушка, на капоте, носом упёршись в лобовое стекло. Так в детстве он с ребятами делал хрюшек друг другу через стеклянную межкомнатную дверь детского садика. Овечка наконец повернулась к нему и увидела в нескольких сантиметрах от себя «пяточка». Её глаза наполнились ужасом, и, судя по всему, она от испуга перепутала педали, и её автомобиль резко рванул вперёд. Краем глаза Николай заметил изумление на лицах прохожих, представил, как это выглядит со стороны, и его разобрал смех. Через двадцать метров, в аккурат около его магазина, машинка резко тормозит, и Николай сползает с капота. Из Audi выскакивает «овечка» и начинает запыленно бегать вокруг него. Обнаружив, что мужчина, которого она сбита, жив, руки-ноги целы, более того, он ещё и улыбается, молодая женщина отчаянно и безутешно разрыдалась, а когда Николай подошёл к ней успокоить, неожиданно, продолжая плакать, пристроила златокудрую головку на его груди.

Для Любы день не задался с самого начала. С утра расстроил старший Мишка, учинивший с друзьями полукриминальную историю с соседом. Всё дело в том, что Иннокентий Петрович, сосед с верхнего этажа, её затопил, и весь проведённый недавно ремонт насмарку. Люба несколько раз пыталась поговорить с соседом о возмещении ущерба, и тот поначалу вроде бы был согласен, но потом, получив поддержку от соседки, тоже жившей под ним, стал грубить, а затем и вообще отказался от своих слов. Соседка Клавдия Ивановна, пенсионерка, когда-то давно работала заведующей в домоуправлении, и жильцы по старой памяти называли её без должного уважения Клавка-домоуправка. Иннокентий Петрович соседом был не простым – почётный пенсионер, бывший партийный работник, до недавнего времени – депутат Верховного Совета и крупный чинуша в администрации области. И Клавка-домоуправка лизоблюдничала перед ним и в присутствии важного жильца стала стыдить Любу и обвинять в вымогательстве. Люба после этого долго плакала, и Мишка это видел.

Дом, в котором жила Люба, был добротный, но деревянный; из удобств только водопровод и газ. Иннокентий Петрович имел другую хорошую благоустроенную квартиру в элитном доме, но там не жил, а сдавал квартирантам. Сразу двух зайцев убивал: добавку к пенсии имел и жил в экологически полезном для его здоровья деревянном доме. Характер у почётного пенсионера был скверный, и крови он Любе перепортил немало. То дети шумят, то дрова ему мешают. Как-то дети собаку таксу завели, так жалобами замучил, что гуляет без намордника и громко лает. Пришлось знакомым отдать.

В общем, Мишка с друзьями, всем по 16—17 лет, решили его проучить.

Васька, Мишкин дружок, позвонил Иннокентию Петровичу, представился сотрудником городского хозяйства и сообщил, что к дому планируется подключить паровое отопление, и поскольку Иннокентий Петрович человек заслуженный, то с него и начнут, так как повышенной секционности батарей немного и всем может не хватить. И самое главное, что ему это ничего не будет стоить. Это подарок города ему! В конце разговора сотрудник посоветовал особенно пока не распространяться до поры до времени, чтобы не было лишних разговоров, так как сейчас активизировалась борьба с привилегиями. Иннокентий Петрович был несказанно польщён и рад, но всё же поинтересовался количеством секций в батареях, кото-

рые ему так благосклонно выделил город. И тут Васька чуть не прокололся и сдуру сказал..., что восемьдесят.

– Это что же, от стены до стены? – выразил удивление Иннокентий Петрович, но Васька быстро ушёл от ответа, сказав, что его начальство вызывает на планёрку.

Подарки завозили три дня подряд. Мишкины друзья, одевшись в рабочую одежду, натаскали в квартиру огромное количество тяжеленного металлолома, накрутили сквозных дыр в стенах и в полу над Клавкиной квартирой и наколачивали туда труб. Вишенкой на торте этой затеи явился огромный ящик якобы со строительным инструментом, который они затащили ближе к ночи и поставили на дыры в полу, ведущие в Клавкину квартиру. Ящик тот был заполнен до краёв снегом, который ночью растаял и хлынул как раз бывшей домоуправительнице на голову, когда та спала. Та спросонья ничего не поняла, подумала, воду дали. Сосед-то накануне не выдержал, поделился радостной вестью со своей соседкой-заступницей.

В общем, уважения у Клавки-домоуправки к её почётному соседу как-то сразу поубавилось, но хуже всего то, что работяги, которые каждый день таскали всевозможных диаметров и размеров трубы и батареи, пропали, а квартира Иннокентия Петровича больше напоминала приёмный пункт по сбору металлолома с огромной лужей посередине. Клавдия Ивановна теперь едва с ним здоровается и в глаза не смотрит, оно и понятно: квартира затоплена, с потолка трубы торчат, а акустика стала такая, что слышно, как по ночам Иннокентий Петрович в туалет ходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.